

Сяо Аньчунь чувствовал себя вполне комфортно последние несколько дней.

Восточный лес стал запретной землей для племени Баян, но он все еще мог свободно входить и выходить. Конечно, он всегда ускользал, не смея позволить племени заметить это.

В наши дни самой популярной темой в племени баян было странное поведение зверей. Они не понимали, почему звери объединились, чтобы напасть на звероловцев, более того, они напали только на звероловцев племени Баян. Они хотели получить ответы от старого шамана, но старый шаман только хмыкал и уходил от вопроса, так и не дав им четкого ответа. И так, все были огорчены, думая, что это, должно быть, наказание от Бога Зверей.

Сяо Аньчунь тайно улыбнулся, потому что он был единственным, кто знал правду. Какое наказание от Бога Зверей, это было наказание от Короля Зверей. Они оскорбили золотого льва, поэтому, естественно, больше не могли охотиться на его территории.

Да, другая сторона ручья была территорией золотого льва. Сяо Аньчунь часто видел, как он метил вдоль ручья, оставляя свой сильный запах на краю своей территории. Все остальные звери в лесу не осмеливались вести себя высокомерно на его участке, не говоря уже о незначительном племени звероловцев.

Хотя это было справедливое наказание, всякий раз, когда он видел ребенка-зверя, плачущего от голода, он чувствовал сильную сердечную боль и думал о том, чтобы умолять бога-мужчину посмотреть, смогут ли они достичь компромисса.

Но как только эта идея сформировалась, в племени произошло еще одно важное событие, привлекавшее его внимание. Несколько воинов отправились в северный лес, чтобы договориться с племенем Дада, но на обратном пути они попали в засаду группы гигантских дикобразов. Несколько человек погибло, еще больше получили серьезные ранения, и их необходимо было доставить обратно.

Среди раненых воинов был мужчина, который спас Сяо Аньчуня и привел его в племя после того, как он попал сюда. Его звали Кун, и он принадлежал к тому же клану пепельно-серых волков, что и вождь. Он был очень силен, уже был воином 5-го уровня и занимал второе место в племени. Он всегда хотел стать парой Адди, и Адди тоже, казалось, любил его. Он уже намекнул, что выберет его в качестве одного из своих приятелей, им двоим просто нужно было сделать это официально.

Возможно, из-за запечатления Сяо Аньчунь очень хорошо понимал Куна. Он не мог назвать это любовью, но у него сложилось о нем безумно хорошее впечатление. Когда он узнал, что ухаживает за Адди, он дулся несколько дней. Теперь, когда он услышал, что Кун серьезно ранен, он забыл все эти неприятные чувства. Он соскользнул по веревочной лестнице на самый нижний уровень и направился к пещере, где жил Кун.

Утес был очень высоким, пожилые и сильные воины жили на первом этаже для удобства передвижения и защиты. Самки с детьми жили на втором уровне, а одинокие женщины жили наверху. Сяо Аньчунь спустился на пять уровней и, наконец, добрался до первого этажа, где обнаружил толпы людей перед пещерой каждого раненого мужчины.

Протиснувшись сквозь толпу, он увидел, как Адди намазывает темно-коричневую пасту на изуродованные ноги Куна. Его левая нога была разорвана острыми клыками гигантского дикобраза, а кости треснули. К счастью, кости не сломались и не были сильно вывихнуты. Сяо Аньчунь посмотрел на темно-коричневую пасту в руке Адди и посмотрел на изуродованные ноги Куна, его лицо внезапно позеленело.

Самка позади него завистливо прошептала: “Куну так повезло, что у него есть Адди, иначе он умер бы”.

Кто-то согласился: “О да, не каждый может быть благословлен этим божественным лекарством, особенно так много сразу”.

“Адди так добр, неудивительно, что он нравится стольким воинам”.

Всевозможные лестные слова сверлили барабанную перепонку Сяо Аньчуня, заставляя его чувствовать себя немного неловко.

Но Адди был ужасно доволен собой, он покрыл раны пастой и отложил в сторону остатки, с тоской глядя на Куна, прежде чем уйти.

Сяо Аньчунь подождал, пока толпа рассеется, прежде чем тихо войти в пещеру.

Кун лежал на холодной каменной кровати, хотя и был без сознания, его брови были нахмурены, и он, казалось, чувствовал себя очень неуютно. Как он мог чувствовать себя комфортно? После такой тяжелой травмы он также был весь вымазан этой пастой, это было чисто приглашением к смерти.

Сяо Аньчунь оттолкнул панцирь черепахи, содержащий темно-коричневую пасту. Отвратительный, гнилой запах все еще стоял у него в носу. Для звероловцев эта паста была божественным лекарством, но, по его мнению, она была хуже ночной почвы.

У племени была статуя Бога Зверей, которому они поклонялись. Всякий раз, когда племя праздновало великий урожай, старый шаман обливал статую кровью первой жертвы и приглашал Бога Зверей насладиться урожаем вместе с ними.

Племя Баян существует уже много-много лет, и каждый год на статую лилась кровь. Предыдущий слой высох, и к нему присоединился новый слой. Со временем территория вокруг статуи просто покрывалась толстым слоем гнилостно пахнущей кровавой грязи. Сколько бактерий в нем содержалось, Сяо Аньчунь не смел об этом думать. Всякий раз, когда приходила его очередь чистить пещеру, посвященную Богу Зверей, он всегда использовал мягкий мох, чтобы закрыть ноздри, чтобы противостоять зловонию, и не смел приближаться к статуе ближе чем на три метра.

Однако старый шаман чувствовал, что этот слой кровавой грязи содержит божественную силу, и он любил даровать ее членам племени, чтобы внушить им благоговейный трепет. Если кто-то серьезно заболел, его самым большим желанием было получить темно-коричневое “Божественное лекарство”.

Они твердо верили, что употребление “божественного лекарства” означает второй шанс на жизнь.

Сяо Аньчунь не знал, как распространился этот слух, как эта нечистота может быть полезна для питья? К счастью, он имел низкий статус в племени и никогда не пользовался благосклонностью старого шамана, иначе он действительно предпочел бы, чтобы его быстро избавили от страданий.

Теперь Адди нанес зараженную бактериями кровавую пасту на всю рану Куна, и инфекция была практически неизбежна. Сяо Аньчунь был очень встревожен. Он не хотел беспомощно стоять в стороне, когда Кун умирает. Поэтому он разорвал листья, которыми была обернута

рана, желая смыть пасту.

Он отколол грязевой кокон тонкой деревянной щепкой, стерилизованной в кипящей воде. Сильная боль заставила Куна очнуться. Он слабо прошептал: "Что ты делаешь?".

"Я... я хочу осмотреть твою рану". - Сяо Аньчунь запнулся.

Кун чувствовал себя так, словно его мозг был вулканом, готовым вот-вот извергнуться. Он схватился за лоб и сказал: "Тебе не нужно его осматривать. В этом нет ничего особенного. Адди уже попросил божественную кровь для меня. Я исцелюсь через несколько дней".

Как ты можешь исцелиться! Сяо Аньчунь внутренне возразил, но выражение его лица оставалось спокойным. Увидев мокрое от пота тело Куна и покрасневшие щеки, очевидно страдающего от опасно высокой температуры, он немедленно уложил его обратно.

Разложившаяся кровь была рассадником всех видов смертоносных бактерий, токсичность этой пасты для крови намного превзошла ожидания Сяо Аньчуна. Он подвергался этому воздействию всего несколько минут, но раны Куна уже были инфицированы. Если он не стерилизует ее как можно скорее, Куну грозит ампутация. Что еще хуже, племя никогда не поддерживало мужчин. Как только они теряли способность охотиться, их бросали в лес на произвол судьбы. Это было бы смертным приговором для Куна.

Сяо Аньчунь был встревожен до слез. Увидев, что Кун полностью потерял сознание, он быстро промыл его раны кипятком, обернул их слоями листьев, содержащих кровоостанавливающее средство, затем выбежал за лекарством.

Он хотел бы найти человека, который приложил бы холодный компресс к Куну, чтобы тот не сгорел от лихорадки, но кто бы последовал его просьбе? Для этого племени Сяо Аньчунь не обладал никакими другими навыками, кроме как сбивать их с толку странными словами и странным поведением. Может быть, они увидят чистые раны Куна и немедленно снова нанесут пасту для крови, ругая его за наивность и неблагодарность.

У Сяо Аньчуна не было другого выбора, кроме как оставить Куна без сознания и в одиночку отправиться в глубь леса. К счастью, он часто околачивался вокруг мужского бога, и его тело несло запах золотого льва, звери в лесу не посмели бы напасть на него.

После поисков в течение целого дня, он, наконец, нашел необходимое лекарство. Но, поспешив обратно в племя, он обнаружил, что Адди с мрачным выражением лица загораживает вход. Он наклонился вперед, сказав: "Кто позволил тебе смыть божественную кровь с ран Куна? Разве ты не знаешь, что чуть не убил его?".

Черт, твою мать! Вор, который кричит "вор"! И к тому же так самоуверенно!

Обида на Адди, скрытая в сердце Сяо Аньчуна, вырвалась наружу в этот момент. Он мысленно проклинал Адди за то, что он безнадежный идиот, но не хотел ходить с ним туда-сюда, боясь отложить лечение Куна. Он обошел дорожный блок и вошел в пещеру, едва не упав в обморок, увидев, что рана снова замотана кровавой пастой.

"Эта штука ядовита, ты не можешь нанести ее на рану!". - Он полностью потерял самообладание и бросился быстро промывать раны Куна, отбрасывая кровавую пасту, когда он сдирал ее.

Такое поведение было равносильно богохульству над Богом Зверей. Адди взорвался от ярости,

он яростно закричал, что Сяо Аньчунь совершил ересь, приказав вытащить его и сжечь заживо. Он также схватил травы, которые Сяо Аньчунь старательно собирал, и раздавил их под ногами.

“Ты смеешь сравнивать эти сорняки с божественной кровью! Бог Зверей всемогущ! Неудивительно, что он бросил племя Баян и не позволяет нашим воинам охотиться в лесу, мы укрываем неверующего еретика! Идем! Арестуйте его!”. - Пронзительный голос Адди взбудоражил всех близлежащих звероловцев.

Кун уже проснулся и сидел на каменной кровати с мертвенно-бледным выражением лица. Он был очень недоволен возмутительным поведением Сяо Аньчуна, смывшего божественную кровь, пока он был без сознания. Все знали, как трудно было получить божественную кровь. Адди принес так много всего только для него, что это было равносильно тому, чтобы дать ему вторую жизнь. Но почему Сяо Аньчунь, которого он когда-то спас, не знал, как быть благодарным, вместо этого пытаясь убить его?

Сяо Аньчунь не волновало непонимание Адди. По его мнению, другой мужчина был красивым, но пустоголовым идиотом. Но сердитые глаза Куна глубоко ранили его. Его терпение, стойкость и оптимизм - все это рухнуло в этот момент. Он внезапно схватил Адди за волосы до плеч и безжалостно ударил его головой о каменную стену, а затем, пока он все еще был ошеломлен, изо всех сил ударил его коленом в промежность.

Адди был ростом не менее 190 см, ужасно большой и хорошо сложенный. Если бы он не использовал эти коварные средства, у него не было бы шансов на победу. И, если быть до конца честным, он терпел Адди достаточно долго. Если бы он не враждовал с ним все время, затевая с ним драки всякий раз, когда ему было скучно, его дни в племени Баян не были бы такими несчастными.

Адди схватился его за промежность и упал на землю, крича в агонии, с его треснувшего лба капала кровь. Он выглядел особенно трагично.

Кун хотел вскочить с кровати, чтобы помочь своему возлюбленному, но каждый мускул в его теле, казалось, был парализован, и он не мог найти в себе сил пошевелиться. Он мог только смотреть на Сяо Аньчуня налитыми кровью глазами, скрипя зубами.

Сяо Аньчунь самоуничижительно улыбнулся и подошел, чтобы продолжить соскабливать кровавую пасту деревянной щепкой. Он прошептал: “Мне все равно, веришь ты в это или нет, но на самом деле я пытаюсь спасти тебя. Эта кровавая паста - не дар божий, это просто чистая грязь. Если нанести ее на свои раны, рана заразится, и тогда ты умрешь”.

Он сделал паузу, затем подробно объяснил: “Ты знаешь, что такое "инфекция"? Красная плоть превращается в желтый гной, который постепенно растворяется и распространяется, пока вся плоть в твоей ноге полностью не сгниет. Останутся только кости. В это время единственный способ спасти тебя - вырезать сгнившие части. Но есть еще более ужасный исход, когда даже вырезание сгнивших кусочков не может остановить распространение гноя по твоей крови, и вскоре все твое тело медленно разлагается, пока кости не обнажатся, и ты умрешь очень мучительной смертью”.

Кун, очевидно, думал, что тот пытается напугать его, в его глазах читались насмешка и ненависть.

Сяо Аньчунь внезапно почувствовал себя очень, очень усталым. Когда пришли туземцы и связали его, у него не было сил сопротивляться. На шее у него висел свисток, подарок

мужского бога, который сказал, что, как только он в него дунет, они немедленно придут его спасать.

Как иронично, что друг, который знает его всего два месяца, искренне заботился о нем и давал ему беспрецедентное чувство безопасности. В то время как соплеменники Баяна, которые знали его целых два года, все еще относились к нему как к подозрительному чужаку. Он не знал, было ли это связано с ним, или это у них была проблема, но выяснение причины больше не имело никакого значения. Пока он думал о том, чтобы иметь такого надежного друга, как мужской бог, он ничего не боялся.

Он был крепко связан и заключен в пещеру на самом нижнем уровне; бамбуковый свисток висел у него на шее. Пока он склонял голову, он мог затащить его в рот.

Сяо Аньчунь все еще пытался схватить свисток, когда в пещеру бросили еще одну связанную самку. Это был Мул, который жил в пещере по соседству с ним. Он был необычайно красив, особенно его шелковистые светлые волосы, которые, казалось, светились под солнечным светом. Он был замужем за одним из воинов племени, и эти двое были исключительно влюблены друг в друга. Он слышал, что скоро состоится их официальная церемония спаривания.

“Почему тебя тоже схватили?”. - Сяо Аньчунь был шокирован.

Он выкинул божественную кровь и напал на сына старого шамана. Старый шаман признал его виновным в ереси, и завтра его, вероятно, сожгут заживо. Но Мул был известным честным человеком, как с ним можно было обращаться так же, как с еретиком?

Мул опустил голову, возмущенное рычание непрерывно вырывалось из его стиснутых зубов. Он долго метался, пока не устал и в конце концов не успокоился. Он ответил тихим голосом: “Завтра нас отправят в племя Дада в качестве товара в обмен на право охотиться на их территории”.

Сяо Аньчунь не ожидал, что у него все еще будет такая ценность. Как только он услышал это, он сразу же бросил попытки дать свисток. Он должен использовать его завтра, когда они будут в дороге, чтобы побег был более скрытным и удобным. Он извивался, как гусеница, и, наконец, сумел прислониться к каменной стене, спрашивая: “Как они могли послать тебя, ах. Вы с Мо практически пара, верно? Разве ваша церемония не в следующем месяце?”.

Мул усмехнулся: “Адди всегда нравился Мо, конечно, он предпочел бы отослать меня. Это племя Баян не принадлежит Богу Зверей, оно принадлежит шаману и Адди. Они сами выбирают, кому жить, а кому умереть”. - Эта фраза была полна ярости и насмешки. Раньше он никогда не считал, что Адди неправильно поступал, когда унижал и подвергал нападкам Сяо Аньчуня, но теперь, когда настала его очередь, он, наконец, понял, как это ужасно.

Сяо Аньчунь кивнул и спросил: “А как насчет Мо? Он не придет спасти тебя?”.

Улыбка Мула стала еще холоднее: “Он согласился стать парой Адди, он проведет церемонию в следующем месяце вместе с Куном”. - Произнеся эти слова, он взглянул на Сяо Аньчуня. Все в племени знали, что Сяо Аньчунь был без ума от Куна. В племени было так много мужчин, но он хотел общаться только с Куном.

Думая о ранах Куна, Сяо Аньчунь замолчал. Спустя долгое время он вздохнул: “Нет, Кун не проживет так долго. Адди убьет его”. - Он отчаянно хотел спасти Куна, но Кун ему не поверил. Сейчас он ничего не может с этим поделать.

Мулу показалось, что он прокликает Куна за то, что тот никогда не отвечал на его любовь, поэтому он одобрительно кивнул. Двое мужчин, один лежа, другой сидя, бесстрастно ждали рассвета.

<http://bllate.org/book/14189/1250584>